

УДК 314.740; 316.742

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТРАНЗИТЕ ПОНЯТИЯ НАЦИИ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. В статье предложены различные интерпретации понятия нации. Причина обращения к теме – парадокс между семантической неоднозначностью понятия и его одновременным активным использованием в научном и публичном пространстве. Статья основана на работах Р. Брубейкера, Э. Балибара, И. Валлерстайна. Помимо этого, представлен срез трактовок «нации» в российской истории. Отмечен переход от изначальной синонимизации с государством, народом в целом, к его редукции к понятию «этнос». Сделана попытка показать интеграционный потенциал понятия нации, заложенный в его исходных академических и политических смыслах.

Ключевые слова: постмодернистский поворот, нация.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2023). Несколько слов о постмодернистском транзите понятия нации. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 168-175. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.168-175

A FEW WORDS ABOUT POSTMODERNIST TRANSIT OF THE CONCEPT OF NATION

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. The article offers various interpretations of the concept of nation. The reason for referring to the topic is the paradox between the semantic ambiguity of the concept and its simultaneous active use in the scientific and public space. The article is based on the works of R. Brubaker, E. Balibar, I. Wallerstein. In addition, a cross-section of interpretations of the “nation” in Russian history is presented. The transition from the initial synonymization with the state and the people as a whole to its reduction to the concept of an ethnos is noted. An attempt is made to show the integration potential of the concept of nation, embedded in its original academic and political meanings.

Keywords: postmodern turn, nation.

For citation: Solodova, G. S. (2023). A Few Words about Postmodernist Transit of the Concept of Nation. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 168-175. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.168-175

Говорить об изменениях, трансформациях, подвижности мира стало доброй обывательской и научной традицией. Устойчивость и стабильность, как элементы повседневной жизни, приобрели качества непостоянства и фрагментарности. Данный феномен фиксируется на разных уровнях и в разных сферах социальной жизни. Более того, он приобрел сквозную структуру. Изменчивость стала реальностью и константой, базовым

атрибутом современного общества. Происходит появление и накопление нового социального опыта. В целом, это не является чем-то принципиально инновационным. Отличие – в скорости, непродолжительности его функциональности, быстрой замене новыми практиками. Важным является и то, что новые ориентиры носят глобальный, экстерриториальный и транснациональный характер.

«Человечество не является неизменной конструкцией, а представляет из себя нечто, постоянно меняющее свои границы в зависимости от конкретной ситуации. Быть может, народ не должен сохранять постоянства формы? ... Перед нами действительно нечто весьма любопытное, нечто, чьими главными чертами являются реальность непостоянства и отвержение этой реальности» [Валлерстайн, 2003, с. 92].

Среди главных факторов человеческих (human) изменений – электронные средства коммуникации и массовые миграции. Совместно воздействуя на «работу воображения», они формируют субъективность эпохи модерна. Согласно теории радикальной трансформации современности Арджуна Аппадурай, электронные посредники кардинально меняют все поле масс-медиа. Благодаря своей интенсивности и множественности форм, они предоставляют новые ресурсы и новые рамки для имажинативного конструирования человеческих «я» и социальных миров. Мир радикально изменился, стал более подвижным, группы мигрируют, *перегруппировываются* в новых местах, *реконструируют* свои этнические проекты, этно приобретает неуловимое, *нелокализуемое* качество. Ландшафты групповой идентичности (этноландшафты) перестали быть знакомыми антропологическими объектами в той степени, в какой группы не являются компактными, территориально ограниченными, культурно однородными [Фурс, 2003, с. 57-66].

Как «отрицательную реакцию на современность и ее глубокую культурную трансформацию» можно рассматривать постмодернистский поворот, произошедший в 60-е гг. прошлого века. Став «доминирующей тенденцией», он оказал глубокое влияние на академическую мысль, структуры мышления и мировосприятие. Произошел отказ от метанарративов – «масштабных, целостных объяснений того, как устроены мир и общество». Постмодернисты отказались от стремления «к аутентичности, объединяющим нарративам, универсализму». Были отвергнуты христианство и мораль, наука, рациональное мышление и столпы западной демократии. Постмодернизм «категорически» не приемлет, отвергает сами основы современных цивилизаций. Структуры мышления и общества были подвергнуты «экстремальным сомнениям». Уолтер Андерсон выделил четыре столпа постмодернизма, среди которых социальное конструирование понятия личности; релятивизм морального и этического дискурса. В данном контексте нас больше интересуют глобализационные последствия – рассмотрение любых границ как социальных конструкций, которые можно пересекать и реконструировать [Плакроуз, Линдси, 2022, с. 16-33]. Результат – снижение роли традиций, культурных норм, скептическое восприятие реальности, проблематизация привычного, плюрализм и двусмысленность.

Одной из сфер постмодернистского фокуса стало обращение к этно-национальной проблематике, расовому и культурному неравенству, что отчасти связано с активной миграцией в бывшие метрополии.

Понятие «нация» и его производные давно и прочно вошли в общественно-политическую практику. Будучи широко используемым и в чем-то даже ключевым,

тем не менее, оно не наделено сюжетной связностью. Его смысловое наполнение не является чем-то однозначным, и семантика определяется контекстом употребления. Представление нации как «некого исконного “проекта”, отмеченного этапами и осознаниями», «является ретроспективной иллюзией». Восприятие нации как цельного и линейного «проекта» несет в себе «императивные институциональные реалии». К таковым относится вера в то, что, несмотря на смену поколений, живущих примерно на одной и той же территории, существует некая константа – «неизменная субстанция». Миф об «истоках нации и национальной преемственности», который используется применительно как к «молодым», так и к «старым» нациям, служит «действенной идеологической формой, в которой каждодневно строится воображаемая исключительность национальных образований, нисходя от настоящего к прошлому» [Балибар, 2003, с. 102-103].

История понятия. Во времена Римской империи нации – окраинные сообщества и в некотором смысле неудачники. Для сообществ, которые обладали политической властью, существовало другое понятие «гендос» (благородный). В Средневековой Европе нации – это студенческие корпорации, сообщества, происходящие из одной области, региона. Вероятно, они были близки в языковом отношении, хотя в университетском пространстве все взаимодействовали на одном языке – латыни. Все изменилось в условиях Французской революции, французских революционных войн: «... нужно было найти какое-то слово, которое бы объединяло всех французов: мы из разных цехов, мы разного социального положения и разного вероисповедания, но мы все один народ, мы – нация» [Филиппов, 2007, с. 581].

Происходит расширение понятийного диапазона и выход на принципиально более высокий идентификационный уровень. Доминирование локальных и сословных идентичностей, соотнесение себя исключительно с монархом, феодалом, уходит в прошлое. Появилась новая ключевая и вмещающая, надсословная идентичность, которая объединила и постепенно инкорпорировала все сословия. В современной транскрипции ее принято обозначать как общегражданскую идентичность.

В России понятие нации появилось в начале XVIII в., почти одновременно с образованием Российской империи, и содержательно совпадало с понятием империи. Петр I использовал его как синоним империи и российского народа. Оно означало государственную принадлежность, суверенную политику и население ей принадлежащее. В целом в XVIII в. между понятиями *нация* и *империя* не было напряжения и противоречия [Миллер, 2012]. В этом смысле любопытен и актуален взгляд основоположника русской политической журналистики М. Н. Каткова, отмечавшего, что «прилагать принцип национальности там, где он ведет к разъединению, было бы противно закону исторического прогресса, но его должно прилагать везде, где он может скреплять политическое единство. Нации – не все равно, что племя и даже не все равно, что народ. Нация есть понятие политическое. Только история, только продолжительная политическая жизнь способна вырабатывать нации. И чем политическая жизнь богаче, тем крепче бывает национальное единство. Но, с другой стороны, никакой политической успех невозможен, если внутренняя политика государства не имеет национального характера. Космополитических государств на свете быть не может ... Скрепление государственного единства, соединение племен в политическую нацию, гордящуюся своими учреждениями и их национальным характером,

– вот где настоящее место для благотворного приложения принципа национальности. В этой, принадлежащей ему политической сфере, принцип национальности будет не разъединять людей, не отчуждать их друг от друга, а сближать их и связывать, превышая их политический дух и политическое самосознание. Вот это применение, которое принцип национальности должен получить в нашей политике» [Миллер, 2014, с. 102].

Дальнейший отечественной семантический транзит понятия нации кратко можно свести к двум составляющим. Во-первых, это его послереволюционное приравнение к этносу. Второй поворот носит реверсный характер – возвращение к исходному государственно-политическому толкованию, произошедшее в конце 80-х гг. XX в. Однако в этот раз опираться пришлось уже на зарубежных авторов, работающих к тому же в постмодернистской парадигме: Р. Брубейкера, Э. Балибара, И. Валлерстайна и др.

Разные понимания нации, как в первую очередь этнического или, напротив, гражданско-политического сообщества, в сущности, являются идеальными типами. Каждая из интерпретаций включает и этнокультурные, и гражданские компоненты. Различны степень и интенсивность их проявления или демонстрации. Как пишет Э. Брубейкер, «... они не являются взаимоисключающими и их жесткая классификация затруднена». Одна из причин этого – оба понимания нации охватывают культуру. В любом случае взаимодействия происходят в некоем культурном контексте. Наложение культуры на понимание нации, и как этнического сообщества, и как согражданства, неизбежно. Оба вида нации «не являются акультурными и аисторичными» [Брубейкер, 2012, с. 246-261].

В этнокультурном подходе нация, этническая группа, раса рассматриваются с субстанциалистических позиций как органические целостности. Прямым следствием этого является их расценивание как социальных субъектов, акторов. В крайней этнополитической практике их реальное воплощение может носить, по выражению Пьера Бурдьё, «перформативный характер». Аналогичное применение используются также для «политической мобилизации и репрезентации». Происходит социальный процесс «овеществления». Овеществление – «это мощное кристаллизовывание чувства группы». Оно ориентировано и нацелено на действие – «расшевелить, вызвать, оправдать, зажечь и придать энергию». Шведский исследователь Шируп (Schierup) заметил, что «широкое, но некритическое употребление термина “этничность” в социальных науках и его последующая интеграция в политический, административный и общий (здорового смысла) дискурсы были более эффективны как инструмент *создания реальности*, ... нежели как средство для ее действительного описания» [Брубейкер, 2012, с. 27-28].

Говоря о нормативных неясностях в понимании нации и национализма, Р. Брубейкер оперирует понятиями инклюзии и эксклюзии. Он отмечает, что «все понимания нации и национализма являются одновременно включающими и исключающими». Различия «не в самом факте и даже не в степени, а в основаниях и критериях» инклюзивности и эксклюзивности. Так, возможность получения гражданства везде является ограниченной. Само гражданство имеет не только включающий, но исключающий статус. Исходя из этого, гражданство также является инструментом социальной закрытости, одной из форм социального неравенства. И далее, Брубейкер делает разбивающий иллюзии вывод: гражданская нация не является более включающей нежели этническая. Срабатывают иные принципы включения. И это очень хорошо иллюстрируют события предыдущих лет.

Для сглаживания аналитических и нормативных неясностей между подходами Брубейкер предлагает «скромную альтернативу» – идею государственного фреймирования. В данном формате нация конгруэнтна, согласованна с государством, с его институциональным и территориальным фреймом, смысловым определением ситуации. Точка отсчета – государство, не гражданство. Именно государство задает фрейм нации. Несмотря на различия в гражданской и этнической интерпретации нации, отметим, что в Новое время культура является «полностью государственно-фреймированной». Производится и развивается благодаря государству. Соответственно, языковой, культурный и даже узкоэтнический аспекты нации и национализма могут быть фреймированы, опосредованы и сформированы государством [Брубейкер, 2012, с. 255-264]. Если опираться на представление, что нации возникают при капитализме, то переход от «до-национального» государства к его национальной форме связан с переходом от местных, сословных языков и наречий к языку государственному. Лишь в случае, когда граждане говорят на одном языке, все они могут «беспрепятственно сообщать свои мысли» и пользоваться равным доступом к государственным должностям. Дж. Милль сформулировал эту мысль так: «... если в народе нет чувства солидарности, если он говорит и пишет на различных языках, то не может существовать и объединенного общественного мнения, необходимого для действия представительного правления» [Брубейкер, 2012, с. 254]. Само возникновение нации как культурно-политического сообщества во многих случаях происходит с появлением массового начального образования как предпосылки языкового и культурного единства.

Иными словами, нация как государственный фрейм опосредуется и формируется государством посредством единого культурно-языкового пространства и понимания истории. Государственное фреймирование нации – это процесс фреймирования и национализации мышления. Исходя из всего этого, можно заключить, что между государственно-фреймированной нацией и этничностью, и культурой нет антагонистичности. Альтернативное понимание нации как культурной идиомы и политического проекта представляется утрированным и искусственным. Ни одна из трактовок в чистом виде не является непреложной. Но каждая из них подразумевает внутригрупповую солидаризацию.

Хотелось бы остановиться еще на одном подходе к пониманию нации, предложенном Иммануэлем Валлерстайном. Понятие нации он рассматривает в более широком терминологическом пространстве – контексте народа. Вариативными компонентами данного, редко используемого в аналитической литературе, понятия являются его возможные типы – раса, нация, этническая группа. Как и Брубейкер, Валлерстайн отмечает, что эти термины используются «удивительно непоследовательно». Несмотря на широкое применение, тем не менее, они продолжают оставаться семантически неустоявшимися, допускающими многовариативность. Расу Валлерстайн определяет как генетическую категорию, имеющую «четкое физическое выражение во внешнем виде человека». Нация является «социально-политической категорией», неким образом связанной с реальными или потенциальными границами государства. Этническая группа – категория культурная, «характеризующаяся рядом особенностей, переходящих из поколения в поколение». Этническая группа может не иметь «привязки к государству и его границам». Все три термина используются для обозначения некоего феномена, обладающего несомненным достоинством, а именно исторической «продолжительностью своего существования».

Этот факт не только оказывает многостороннее влияние на жизнь людей, но «создает основу для формирования политических требований». Смысл существования этих категорий заключается в том, что они дают возможность и наделяют «умением» предъявлять к настоящему требования, порожденные нашим прошлым. При этом их задачи варьируются: а) объяснить, почему все так, как оно есть, и почему менять ничего не следует; б) показать, почему все так, как оно есть, и изменено быть не может; в) доказать, что современные социальные структуры следует заменить, чтобы они больше напоминали более старые, а значит, более привычные социальные реалии. К причинам конструирования этих трех категорий Валлерстайн относит структурные изменения мировой экономики. Развитие мирового рынка, по его мнению, связано с неравномерностью, разной степенью и экономическим качеством вовлечения в него разных народов. Исходя из этого, концепция «расы» соотносится с осевым, укоренившимся в мировой экономике международным разделением труда, с антиномией ядра, центра (экономически высокоразвитых стран) и периферии (неевропейские страны с традиционным типом хозяйствования). Соответственно, раса и расизм являются сущностью и движущей силой «географической поляризации различных типов производства, связанных с осевым разделением труда». Концепция «нации» также связана с политической структуризацией, надстройкой обществ, достижением капиталистическими государствами суверенитета. Валлерстайн отмечает, что «практически во всех случаях образование государства предшествовало образованию нации». Появление третьей концепции «этнической группы» – результат недостаточности категориального деления на расы и нации. Иными словами, нация и народ в современном понимании являются историческими конструктами [Солодова, 2018].

Справедливости ради стоит отметить, что конструктивистский подход в понимании этнической проблематики не является результатом исключительно постмодернистского поворота. Задолго до постмодернизма американский социолог Э. Б. Дьюба утверждал, что понятие расы выполняет вполне инструментальную роль. Социальные и культурные различия интерпретируются в рамках антропологических отличий и «биологических объяснений». Цель – закрепление расовой дискриминации, оправдание «злодеяний европейского колониализма и атлантической работоторговли». [Плакроуз, Линдси, 2022, с. 151-153].

Вывод. Различные научные подходы, теории и парадигмы мутируют, набирают или теряют популярность и влияние, находят применение в политической и повседневной практике – приобретают прикладной характер. В этом смысле, понятия расы, нации, национализма в их разных интерпретациях представляются одними из наиболее «пострадавших». Как плод или жертва академических построений они зачастую используются как научное обоснование для аргументации вполне прагматичных, главным образом, экономических интересов. Как способ сглаживания социальных, геополитических неравенств или, напротив, получения таких преимуществ, они могут служить факторами консолидации или сепарации народов, их интеграции или дезинтеграции. Возвращение отечественной науки к традиционному для российской государственности и публицистики пониманию нации произошло в рамках постмодернистского транзита. В некотором смысле, можно говорить, что, сделав эссенциалистский зигзаг, понятие вернулось в привычное русло.

Список литературы / References

- Балибар, Э. (2003). *Нация как форма: история и идеология*. Э. Балибар, И. Валлерстайн. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М. Логос-Альтера. С. 102-124
- Balibar, E. (2003). Nation as a form: history and ideology. In E. Balibar, I. Wallerstein. *Race, nation, class. Ambiguous identities*. Moscow. pp. 102-124. (In Russ.)
- Брубейкер, Р. (2012). *Этничность без групп*. М. 408 с.
- Brubaker, R. (2012). *Ethnicity without groups*. Moscow. 408 p. (In Russ.)
- Валлерстайн, И. (2003). Конструкция народа. Расизм, национализм, этническая принадлежность. Э. Балибар, И. Валлерстайн. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М. Логос-Альтера. С. 85-101.
- Wallerstein, I. (2003). Construction of the people. Racism, nationalism, ethnicity. In E. Balibar, I. Wallerstein. *Race, nation, class. Ambiguous identities*. Moscow. pp. 85-101. (In Russ.)
- Миллер, А. (2012). История понятия «нация» в России. [Электронный ресурс]. *Отечественные записки*. № 1. URL: <http://oz.m2x.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (дата обращения: 12.07.2023)
- Miller, A. (2012). History of the concept of “nation” in Russia. [Online]. *Otechestvennye zapiski*. no. 1. Available at: <http://oz.m2x.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (Accessed: 12 July 2023). (In Russ.)
- Миллер, А. (2014). Понятие «нация» в постсевастопольской России. *Вестник Российской нации*. № 6. С. 189-208.
- Miller, A. (2014). The concept of “nation” in post-Sevastopol Russia. *Bulletin of the Russian Nation*. no. 6. 189-208 pp. (In Russ.)
- Плакроуз, Х., Линдси, Дж. (2022). *Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого*. М. 384 с.
- Pluckrose, H., Lindsay, J. (2022). *Cynical theories. How everyone started arguing about race, gender and identity and what's wrong with it*. Moscow. 384 p. (In Russ.)
- Солодова, Г. С. (2018). Иммануэль Валлерстайн о категориях расы, нации и этнической группы. *Сибирский философский журнал*. Т. 16. № 1. С. 128-137.
- Solodova, G. S. (2018). Immanuel Wallerstein on the categories of race, nation and ethnic group. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 16. no. 1. pp. 128-137. (In Russ.)
- Филиппов, А. (2007). Империя в состоянии распада. *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. Под общ. ред. И. М. Клямкина. М. 624 с.

Filippov, A. (2007). The Empire is in a state of collapse. In Klyamkin, I. M. (ed.). *The Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow*. Moscow. 624 p. (In Russ.)

Фурс, В. (2003). Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации. *Социологическое обозрение*. Т. 3. № 4. С. 57-66.

Furs, V. (2003). Arjun Appadurai. "Modernity" in the open: cultural dimensions of globalization. *Sociological Review*. Vol. 3. no. 4. pp. 57-66. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.10.2023

После доработки: 20.11.2023

Принята к публикации: 30.11.2023

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: gsolodova@gmail.com

The paper was submitted: 15.10.2023

Received after reworking: 20.11.2023

Accepted for publication: 30.11.2023